

К ВОПРОСУ О ГИПЕРКАТЕГОРИЯХ

А. Б. ЛИХАЧЕВА

Связи падежей в парадигме — это взаимоотношения элементов единой системы, и объем значения каждого отдельного падежа зависит от специфики той падежной системы, в которой он функционирует. Системность же языка „... состоит не в простой внешней организации языковых материалов, а в том, что все однородные элементы структуры языка взаимосвязаны и получают свою значимость лишь как протипоставленные (разрядка наша. — А. Л.) части целого“ [Реформатский, 1967, с. 249].

Значение любого падежа как элемента единой структуры может быть определено лишь с точки зрения выявления смысловых взаимоотношений между конкретной падежной формой и остальными членами той же парадигмы¹. Иными словами, говоря о падежном значении, мы в сущности имеем в виду значение противопоставления одного падежа другому в той или иной позиции. Под позицией в данном случае понимается тип словосочетания, которому соответствует определенный характер синтаксических связей.

„Каждая пара падежей образует противопоставление. Падежное противопоставление может выполнять различительную функцию только в том случае, если все признаки словосочетания, вместе взятые, не дают однозначной информации о том, каким будет падежный признак данного существительного“ [Падучева, 1960, с. 105–106]. Так могут быть конкретизированы условия противопоставления внутри пары падежей, которое является сущностью падежного значения.

Р. О. Якобсон оспаривал точку зрения Е. Куриловича и А. де Гроота, считавших, что в тех словосочетаниях, где нет возможности выбора между двумя падежами, единственно возможный падеж лишен морфологической значимости и выполняет исключительно синтаксическую функцию. Он писал: „Мысль о том, что в контекстах, не допускающих падежного противопоставления, падежи семантически не sont rien“, является характерным примером фонологической контрабанды

¹Идея о системном характере языка связана с пониманием организации его элементов как определенной структуры. Структура же есть автономная сущность с внутренними зависимостями, это „делое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является, только благодаря отношениям с другими элементами“ [Ельмслев, 1962, с. 122].

в грамматических исследованиях" [Якобсон, 1985, с. 181; см. также: Якобсон, 1962, с. 47].

Однако рассмотрим примеры из работы Р. О. Якобсона: «Грамматическое значение В. четко выступает в чередованиях с Д. („прости его“ : „прости ему“), с Т. („швырял камни“ : „швырял камнями“), с Р. („выпил водку“ : „выпил водки“, „жаль девушку“ : „жаль девушки“) или, наконец, с И. („пришельцев грабят“ : „пришельцы грабят“), где только различие падежных форм информирует слушателя фразы о том, которое из двух слов подчинено другому); но то же значение объекта, охватываемого действием, сохраняется за В. падежом и в случаях, когда данный глагол не допускает иного падежа, кроме В., напр., „убил лисицу“, „допил водку“, „жил неделю“, „проехал версту“. Конечно, семантическая разница между словосочетаниями „достичь Антарктики“ и „завоевать Антарктику“ связана с различием значений обоих глаголов, но если глагол „достичь“ требует непременно родительного, а „завоевать“ — винительного падежа, то в этом распределении управляемых падежей снова отражается семантическое противопоставление неполного овладения полному» [Якобсон, 1985, с. 181].

Дифференциальные признаки, обуславливающие употребление того или иного падежа, действительно наиболее четко проявляются в контекстах, допускающих выбор между двумя взаимно противопоставленными падежными формами; вероятно, поэтому даже при характеристике последних двух примеров Р. О. Якобсону удобнее было воспользоваться все-таки противопоставлением винительного падежа родительному. Сравним еще несколько сочетаний: „альбом подарен товарищу“ (Д.) — „альбом подарен мне товарищем“ (Т.); „книга друга“ (Р.) — „книга — другу“ (Д.); „взял (все) яблоки“ (В.) — „взял (несколько) яблок“ (Р.). Здесь падежный признак словоформ строго не регламентирован и каждая конкретная оппозиция отражает определенное семантическое наполнение противопоставленных падежей.

Если же собственная падежная значимость и не остается абсолютно не выраженной в случаях с единственно допустимым падежом, то представляется, что она скорее всего (по крайней мере, в примерах Р. О. Якобсона) проявляется в признаке наделительности (общем для винительного, родительного первого, предложного первого и дательного падежей), что в целом соответствует признаку объектности у И. М. Тронского [1967, с. 74–76].

Но признак наделительности не введен Р. О. Якобсоном в состав основных измерений, характеризующих русскую падежную систему, поскольку по отношению к винительному и дательному падежам он по существу является излишним и уже не дифференцирующим их значения и значения нерасчлененных родительного и предложного падежей. Что касается деления последних на Р.I и Р.II и П.I и П.II, эта проблема сама по себе нуждается в особом рассмотрении и разрешении.

Добавим, что в соответствии с логической природой оппозиций

Р. О. Якобсон понимал различительные признаки как „чисто оппозитивные сущности“ [Якобсон, 1985, с. 90].

Говоря о проявлении внесинтаксической значимости падежей, мы можем предположить, что в одной и той же позиции конкретная падежная форма может противопоставляться всем остальным падежным формам. В таком случае для русского и литовского языков мы имели бы следующие падежные оппозиции:

В.—Р., В.—П., В.—Д., В.—Т., Р.—П.,
Р.—Д., Р.—Т., П.—Д., П.—Т., Д.—Т.

И все падежи вместе противопоставлены именительному падежу.

Но реально ни в том, ни в другом языке такого количества падежных оппозиций не существует. Аналогично тому, как любая фонема располагает собственным набором акустических дифференциальных признаков — т. е. собственным акустическим инвариантом — и противопоставляется другим фонемам лишь в определенных позициях, парное противопоставление падежей зависит от минимального контекста, релевантного для установления значения входящей в него падежной формы.

В некоторых случаях падежный признак имени полностью предопределен связью с управляющим словом, что происходит благодаря нейтрализации реляционных элементов, характеризующих падежные значения. Следовательно, если противопоставление одного падежа другому лишено значения при определенном вхождении в речь (при сохранении противопоставления дифференциальных признаков падежей в другой позиции), — налицо нейтрализация падежной оппозиции.

Можно говорить о двух типах нейтрализации в фонологии:

1. разные фонемы звучат в данной позиции одинаково, т. е. они совпадают в звуке-реализаторе (в примерах „с Женей“ и „без Жени“ фонемы /с/ и /з/ реализуются звуком [ж]), но при изменении позиции их различие становится очевидным („с Аней“ и „без Ани“);

2. в данной позиции (в данной морфеме) выступает гиперфонема, не имеющая сигнификативно сильной позиции („собака“, „Самара“, „вдруг“ — в первых двух словах представлена гиперфонема $\frac{a}{o}$, а в третьем — $\frac{r}{r'}$).

В морфологии также возможно выделение двух типов нейтрализации:

1. Внутренняя нейтрализация (иначе — формальная омонимия), при которой разные морфемы представлены одинаковыми фонемами (подобно тому, как в первом случае фонологической нейтрализации в одном звуке реализуются разные фонемы), но при трансформации, соотносении с другими соответствующими единицами (как это понимается, напр., в статье Р. И. Аванесова [1936, с. 55–60]) это различие морфем легко вскрывается („дом матери / отца“, „подарок матери / отцу“);

2. Внешняя нейтрализация, сущность которой хорошо сформулировал М. Докулил: она наблюдается „в тех случаях, когда два эле-

мента, противостоящие друг другу в данном классе элементов (на парадигматическом уровне), при реализации в тексте (на синтагматическом уровне) перестают различаться" [Докулил, 1967, с. 15].

Ср.: „шли лесом" (Т.) но „любовались" только „лесом" (Т.),
 „шли по лесу" (Д.)

где творительный падеж — единственно возможный при глаголе „любоваться", не проверяемый никакими трансформациями, а значит, это, собственно, некий „гиперпадеж", дифференциальные признаки которого нейтрализованы, ибо в данной ситуации язык не дает возможности выбора между двумя (или более) падежами — единственной сигнификативно сильной для выявления падежных признаков позиции.

Рассмотрим еще примеры:

„съел суп" (В.)	→	„наелся супа" (Р.);
„съел супу" (Р.)	→	
„принес грибы" (В.)	→	„любит грибы" (В.);
„принес грибов" (Р.)	→	
„пожалел денег" (Р.)	→	„жаждал денег" (Р.).
„пожалел о деньгах" (П.)	→	

Противопоставление падежей по признаку объемности (в первых двух случаях), периферийности (в третьем случае) снимается, гасится при сильно управляющем глаголе, а результатом нейтрализации содержательных признаков членов падежной оппозиции на первоначально высоком уровне выступает (в наших примерах) родительный или винительный падеж.

В отличие от гиперфонемы, которая представляет собой общую часть нейтрализованных фонем (напр., в словах „собака", „собаковод" гиперфонема представлена звуками [а] и [ъ], общими для /а/ и /о/, но не для /у/²), „гиперпадеж" не сохраняет в себе те отличительные признаки, которые характеризуют значения нейтрализованных падежей. Поэтому мы и говорим о том, что имя при сильно управляющем слове имеет лишь „оболочку" словоформы того или иного падежа.

Ср. с литовскими примерами:

„išmoko eilėraščius" (В.)	→	„pasiklausyti eilėraščių" (Р.)
(„выучил стихотворения")	→	
„išmoko eilėraščių" (Р.)	→	(букв. „послушать стихотворений");

(букв. „выучил (несколько) стихотворений")

„priėjo upę" (В.)	→	„nupiešė upę" (В.)
(„дошел до реки")	→	
„priėjo prie upės" (Р.)	→	(„нарисовал реку").
(„подошел к реке")	→	

²Ср. примеры М. В. Панова [1979, с. 120].

В морфологии возможно и совмещение внутренней и внешней нейтрализации: в некоторых типах склонения эти типы совпадения сопутствуют друг другу, напр.:

„рассказал отцу и матери“ (Д.) — „заботился об отце и матери“ (П.)
„рассказал об отце и матери“ (П.) — „ри“ (П.).

В литовском склонении такое наложение невозможно в пределах одного числа: единственными „внутренне“ омонимичными формами являются словоформы именительного и творительного падежей в женском типе склонения, поэтому говорить о нейтрализации дифференциальных признаков беспризнакового (в терминологии Р. О. Якобсона) именительного падежа нельзя.

ON HYPERCATEGORIES

A. LIKHACHEVA

Summary

Two types of neutralization in morphology, singled out by analogy with the types in phonology, are discussed. The notion of the "hypercase" is introduced in this connection, which, as it is hoped, will contribute to a more profound understanding of the case.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов, 1936 — А в а н е с о в Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936. № 4.

Ельмслев, 1962 — Е л ь м с л е в Л. Можно ли считать, что значения слов образуют систему? // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.

Падучева, 1960 — П а д у ч е в а Е. В. Об описании падежной системы русского существительного (Некоторые проблемы омонимии при машинном переводе) // ВЯ. 1960. № 5.

Панов, 1979 — П а н о в М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Реформатский, 1967 — Р е ф о р м а т с к и й А. А. Введение в языковедение. М., 1967.

Тронский, 1967 — Т р о н с к и й И. М. Общиневропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Л., 1967.

Якобсон, 1962 — Я к о б с о н Р. О. Заключительное слово по докладу // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962.

Якобсон, 1985 — Я к о б с о н Р. О. Избранные работы. М., 1985.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса

Декабрь 1986

Кафедра русского языка